лись невозможными, потому что съ одной стороны были отдѣльныя личности, а съ другой—толпа.

Конечно, и въ подобныхъ случаяхъ возможна еще благотворительность, но уже не та, которую имѣлъ въ виду гр. Толстой: возможна преимущественно благотворительность общественная, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не сердце, а разумъ, гдѣ имѣется въ виду помощь не отдѣльнымъ лицамъ, не Сидору, Ивану или Петру, а извѣстнымъ категоріямъ лицъ, слѣпымъ, голодающимъ, сиротамъ и т. п. Здѣсь устанавливаются нѣкоторые признаки, болѣе или менѣе внѣшніе, но тѣмъ не менѣе необходимые, чтобы сдѣлать возможной подобную благотворительность.

Если же хотѣть дѣлать добро отдѣльнымъ людямъ, то необходимо и знать ихъ нужды какъ отдѣльныхъ людей, что, очевидно, невозможно въ массѣ. Нѣтъ надобности сравнивать здѣсь значеніе общественной и частной благотворительности. Ихъ сфера и цѣль въ большинствѣ случаевъ совершенно различны. Насколько одна можетъ охватывать зло шире, настолько же другая можетъ глубже проникнуть къ его источнику.

Но для частныхъ лицъ истинная благотворительность, составляющая требованіе нравственнаго закона, есть преимущественно та, которая вытекаетъ изъ чувства состраданія и потому имѣетъ въ виду отдѣльныхъ лицъ. Чувство состраданія доступно и